

АЛЕКСАНДР ЧАК

Проповедь в церкви в Пиньках

[173]

ИЛ 3/2019

Пересказ СЕРГЕЯ ПАЛАБО
Послесловие СЕРГЕЯ МОРЕЙНО

Утром 17-го июля 1916 года 5-й Земгальский батальон по пути на участок фронта под Смарде, где готовился серьезный удар русской армии, завернул в усадьбу Пиньки. Здесь, в три часа пополудни, полковник Вацietис¹, командир батальона, провел в старой, построенной в 1662 году Николаевской церкви свою знаменитое богослужение.

© СЕРГЕЙ ПАЛАБО. Пересказ, 2019

© СЕРГЕЙ МОРЕЙНО. Послесловие, 2019

1. Юкум Вацietис (1873–1938) – полковник царской армии, командир Земгальского батальона. Кадровый военный из батраков. Первый главком Красной Армии (РККА), защитник Ленина и Революции; расстрелян. Как установили историки, описываемое событие действительно имело место – 19 июля 1916 г.

В старом, невеликом храме в Пиньках не случилось прежде такой литургии. Как сегодня. Колокол без передышки. Звук бушует, восходит и пылает. Нисходит в бездны, расшибает окна, вышибает двери, рвет сердца на части. Народ дивится — и откуда этакый пыл у колокола-старика? Куда там! Влез на звонницу стрелок латышский, отдал всю силенку медному холопу, пусть вещает людям о великой минуте: сам полковник после трудного похода в храм стрелков своих скликает.

Люди посмотреть бегут со всех сторон, бросили работу и заботу на тюках соломы. Лишь священник потихоньку в Ригу смылся, скалится за запорами усадьба.

Молча заполняют скамьи в храме земгальцы в полном обмундировании. Завтра битва. Завтра ждет их Смарде — пусть упорство и запал латыши покажут. Им до схватки что к чему понять бы.

Ну и баускские, те тоже заявили. У них за плечами ад Катринмуйжи, шестое июля, страшное, седьмое.

Горестно гудит орган над головами: офицер Лукаш, взойдя на хоры, играет. На губах улыбка, праведная решимость. Кого поминает он: живущих, павших, может, весь народ в объятиях смерти?

Звук воркует, праздничен и мягок, как будто сотни неведомых голубок размечтались вдруг под сводами церкви.

На полу в закрестии бурая дорожка жадно впитывает перезвоны шпор. Земгальский полковник, словно лось, выгнанный в луга, мечется из угла в угол: ведь сегодня проповедь впервые в жизни он прочтет своим парням, земгальцам, ярым боевым волкам, колючкорезам и гранатометчикам, из первых первым. Стрелкам Тирельских топей, что не побоятся солнцу плюнуть прямо в очи, буде оно окажется хиловато.

Староста церковный в углу закрестии шебаршится да под очками шепчет: “Ну точь-в-точь как в том девятьсот пятом церковь отворили силой”.

Коротко взвизгивает дверь закрестии, входит Лерхе, адъютант, муж ростом печи под стать, с кулаком боевым тяжелым: “Полковник, земгальцы ждут вас; песнь уже поется та, что приказали”.

И, едва грубые голоса дошли до слов, где о милосердии Господа поется, как из закрестии появляется полковник, ровным, твердым шагом на амвон всходит.

Скрипнули под ним ореховые ступени. Шпорный звяк и скрип дощатый воздухом схвачены и взнесены пред очи Божьи.

Взбудоражен полковник. Ко лбу волосы липнут. Губы сухи, тронуты безумным жаром. Трудно всходит. Душа полна сомненья, он дрожит, как птица, схваченная ветром. Что поведать ему боевой своей дружине, своим пылким земгальским

парням, как напутствовать их перед битвой? Может, каждый второй станет завтра мертвым. Одни души их, июльским снегом в горьком воздухе, закружат над болотом.

Пар от дыханий, пар от тел под тканью. На концах штыков играет смерть. В сапогах смазных играет солнце. До сих пор ни разу не ощущал полковник, чтобы скатывался дух в такие бездны.

Всходит медленно он. Чует, какая ноша пригнетает книзу коренастые плечи. Чует он: вся долгая тьма рабства на него одного враз навалилась. Только очи, боевой дружины очи подымают силы его вверх, к свету, будто в каждом его шаге таится что-то важное, что влага для дыханья.

Вот на амвоне он встал над всеми, будто на века поставлен тут изначально. Лоб трещит. Во рту горят столетья. Обе в жаркие кулаки сжаты руки. Меч у алтаря, как крест, поставлен.

Встал он, вознесенный над головами. Сшито знамя дымящееся из дыханий, стущены в нем муки целого народа, ненависть и боль сердец сшиты вместе.

Встал, как призрак. Во плоти вспотевшей. И дрожащими и жаркими глазами видит в сводчатых зубчатых окнах, как земля латышей дымится под ногами, как целовывают пот со лба ей тучи.

Чует он, как дивное, бодрящее тепло, словно страстный, алый запах розы, незаметно дышит через своды, наплывает, наплывает и пронзает мышцы жаркими волнами, хмельным дурманом, наплывает от трясин, камней и птиц, звериных хрипов, влажных морд скота; наплывает от тел, что под землей давно уже, и от тех, что числятся в живых пока что, — отнимая у него его былую слабость. Превращается душа в жгучее семя. Кровь, подобная реке из смущенных солнц, к языку восходит, чтобы осесть словами.

Пристально вглядывается дружина, пьет глазами, ожидая, что слетят с губ те слова, подобные красным искрам, заревам, огромным, знойным бурям, что подхватят и возденут все силы вверх, встречу темным безднам битвы, кровному горю и беде кровавой.

Сильный жар, пронзивший сердце, клонит голову и взгляд туда, вбок, где над алтарем святой забрезжил образ.

Тут он чует — луч какой-то понукает мысли, пресекает боль, сомнения, досаду, тело в качку бесконечности швыряет. Светлое сияние целиком его объемлет, к кубку солнечному обращает руки, ноги вдальбливает в нутро земное.

Что ж, он ведает, что говорить дружине. Кровь на языке становится словами, строится в полки, встает в шеренги.

“Земгальцы, взгляните-ка на образ, святой образ в углубленье свода, — он указывает своим коротким пальцем. Голос, что труба в стенах Иерихона: — Там Иисус, как по песку, по водам ходит и не тонет, оттого, что верит, в дух свой, в труд, что он свершает. Верьте же, и не канете на дно, не утонете в небытии повторно, где вы сотни, сотни лет тонули. В силу свою вы, земгальцы, верьте, в ненависть свою, в свое терпенье и, по праву, в сокровенное счастье.

Камень, на котором вы стоите, — ваш, все цветы, что видите здесь, — ваши, травы, деревья, вся земля — ваши, небеса вверху, простор вокруг — ваши, так же, как глаза, плечо и твердая рука, горечь, что вы чувствуете в сердце. Только верьте, земгальские парни, а тогда и смерть не будет в тягость.

Из-под земли восстало ваше племя, из-под век у него вылучилась тьма, пальцы ожили, колени отогрелись, на губах, как изумление, вырос вздох.

Крохи почвы в волосах ожили светом, грудь яйцо вселенной высосало. А ладони, на которых тяжесть черствая труда лежит от века, вместе с птицами теперь воздеты к солнцу.

Из-под земли восстало ваше племя, но ему без крови не распрямиться, без крови вашей и вашего накала: вот цветок, хранящийся под сердцем, это мощь, что выкует его единство навсегда, навеки. Мужики земгальские, завтра битва. Вновь. Но вам известно: в бой идти — удел мужчин свободных, пасть в бою — удел мужчин свободных, чтобы после большим, живым дыханьем воссоставлять все свое племя снова”.

Речь окончена. Поэт, как птица, башня. На склоненные тела земгальцев отсвет окон ложится розовым покровом, бесконечности уста их в лоб целуют. Долго из стен не выветривается слово, проникая глубже в плоть сквозь одежду, ткани воспаляются, огнем задеты. Воздух закисает.

И орган под сводами вторично взрывает, как тучи или пчелы, жар сердец стучится в окна звонко, тяжесть снов легка теперь, как сажа.

Все умы перетекают в чувства: да, латышский стрелок свое возьмет. Солнце срежет, будто налитой колос, борозду свою выгонит штыком; выйдет в поле и рукой могучей, свистнув и подпрыгнув, скрутит свод небес дугой себе на упряжь, выгнет облако в хомут веселый, яркий; в руки взяв вселенную вместо плуга, лемехом в бескрайности прочертит, — только то, что выношено в муках, принадлежит любви.

I. Помазанные вечностью

Двадцать четыре поэтических текста Александра Чака разной длины, от трех десятков строк до тысячи с небольшим, — в разных редакциях по-разному — под общим названием “Осененные вечностью” входят во второе латышское издание, появившиеся в конце мая сорокового года, за месяц до того, как советские войска перешли границу Латвии.

Это двадцать три более или менее независимых стихотворения (песни) плюс заключительная песнь, “Концовка”, в первой журнальной публикации имевшая название “Помазание”. То, что весь корпус сочинялся Чаком как бы “с конца”, с двадцать третьей песни “Стрелки возвращаются”, которая теперь стала предпоследней и расположилась непосредственно перед “Помазанием”, позволяет считать это слово исключительно важным. Поэтому оригинальное название *Mūžības skartie* можно понимать не только как “тронутые” или “осененные” вечностью, но и как “помазанные”. Это даже точнее, поскольку осененный вечностью все-таки счастливо обречен на вечность, он наследует вечность в конце и навеки, а в помазании слышится отчаяние и присутствует безнадежность: ты, конечно, помазан, но дальнейшее — в чьей оно власти?

“The rest is silence”, дальнейшее — молчанье. В своих последних словах Гамлет, несостоявшийся помазанник на царство, предсказывает судьбу героев — героев вообще, не обязательно победителей. В принципе, их ждет тишина. А тишина — согласно нежной формулировке поэта Майры Асаре — существует для того, чтобы продолжилось сказанное. То, что не способно выдержать паузу, должно умолкнуть. Перейти в безмолвие, в пустоту. Достойные же смогут наслаждаться тишиной, исполненной их сладостного и благоуханного дыхания.

“Помазанных вечностью” называют эпосом о стрелках. Эпос — такой, как “Илиада”, “Махабхарата” или “Старшая Эдда” — это героический и, как правило, целостный рассказ о прошлом; о мире, в котором былинные богатыри живут и действуют согласно законам внутренней гармонии собственного мира. От прочих рассказов подобного рода эпос отличается высшей степенью безусловности, которая одинаково принимается и повествователем, и аудиторией (“истинность” эпоса). “И хотя сами мы не знаем, правда ли эти рассказы, но мы знаем точно, что мудрые люди древности считали их правдой”, — говорил в еще XIII веке Снорри Стурлусон¹ в прологе к *Kringla heimsins*, “Кругу земному”.

Таким образом, эпос — это договор между его автором/исполнителем и определенным устойчивым кругом слушателей/читателей. Если вдруг пункты этого договора кем-то еще поняты и приняты, круг расширяется. Убедительность договора (текста договора, скажем так) служит гарантией воспроизводства сообщества эпоса, его непрерывного продолжения как

1. Снорри Стурлусон (1178–1241) — исландский скальд, прозаик, историкограф и политик. Снорри считается автором Младшей Эдды, стихотворного эпоса на сюжеты скандинавской мифологии.

во времени — из поколения в поколения, так и в пространстве — от языка к языку, от народа к народу.

“Помазанные вечностью” интересны тем, что это очень молодой эпос и практически неапробированный договор. Предмет договора следующий. Герои: полки латышских стрелков, числом восемь (1-й Даугавгривский, 2-й Рижский, 3-й Курземский, 4-й Видземский, 5-й Земгальский, 6-й Тукумский, 7-й Баускский, 8-й Валмиерский), и, в частности, отдельные командиры полков: Юкум Вацietис (будущий главнокомандующий Красной Армии), Рудолф Бангерский (будущий министр обороны Латвии), Янис Францис, Ансис Лиелгалвис, Андрей Аузан. Время: пятилетка 1915—1919. Пространство: арены боевых действий Первой мировой и Гражданской войн в Латвии и России (бывшая Российская империя). Действие...

Дальнейшее — модернистский гэп, форс-мажор, скачок в нарушение правила аристотелевой “Поэтики” о единстве действия: “Части событий должны быть так сложены, чтобы с перестановкой или изъятием одной из частей менялось бы и расстроивалось целое”. Части (песни, главы) не только перемещаемы и взаимозаменяемы, они еще и страшно разномасштабны: от анекдота, воскрешающего курьезную ситуацию, до поэм или гимнов, посвященных грандиозным баталиям, которые разворачиваются во времени и в пространстве, силой оружия и духа стрелков преобразуя Вселенную.

Действие в книге не завершено, оно открыто в будущее, но, что удивительнее всего, сразу по выходе второго, переработанного издания, его насильственно закрыли минимум на полвека. А священной целью, “золотым руном” стрелковых походов против всех и вся была Латвия, ее самостоятельное и независимое существование. И в это, равно как и в то, что именно стараниями стрелков Латвийская Республика стала реальностью, предстоит поверить читателю.

II. Эпос круга

Великий лирик-урбанист Александр Чак (Чадарайнис) родился в Риге, в семье портного. В годы Первой мировой он оказался в эвакуации в Эстонии, где продолжал учебу в гимназии, затем в Мордовии, где встретил Октябрьскую революцию, после в Москве, где обучался медицине и знакомился с футуристами, потом в Красной Армии, где служил санитаром госпиталя, пока, наконец, не вернулся в Мордовию, где занимался агитацией и пропагандой и даже вступил в ВКП(б). В 1922 году Чак отправился в Латвию, где ослепительно дебютировал сборниками “Сердце на тротуаре” и “Я и это время” (1928). К середине тридцатых сборники “Мой рай” (1932) и “Зеркала фантазий” (1937) завершили его лирическую эволюцию.

Трудно сосчитать, на сколько языков переведена лирика Чака, ведь что ни год, случаются новые переводы на новые языки (позднейшие из мне известных — украинский и болгарский). Стихи Чака породили в и без того напряженной атмосфере молодой республики еще одно поле — чистой поэзии. Чистота здесь задается не темой — темы как раз-таки очень грязны (характерно для “чистого поэта”), — а белизной и сиянием одежд, в которые ее одевают. Брань извозчиков и торгашей, вонь подмышек и сапог, хохот шлюхи и оскал менялы, черные вина в портовых кабаках — все идет в дело, в топку, чтобы из раскаленной в адском горниле массы — ад-

скому пламени и принадлежащей — отлить прохладную материю (ткань? металл?) невиданной чистоты.

Чак с легкостью сочетает классический рифмованный стих с верлибром, порою внутри одного текстуального пространства, избегая, впрочем, всех усложненных, не вполне естественных конструкций — сонетов, триолетов, рондо (безусловно, популярных среди его собратьев по цеху). Ощущение естественности и органичности формы — когда кажется, что о том-то и том-то можно написать лишь так-то и так-то — подкрепляется очевидной надиктованностью непереводимых вещей — когда кажется, что такое нельзя придумать, такое можно только подслушать.

Первые песни эпоса — “Стрелки возвращаются”, “Голос крови” и “Перелом” — написаны Чаком с 1930 по 1935 год. Постоянное стремление поэта надеть в своих стихах маску и разлучиться с лирическим героем (прикинуться то “апашем во фраке”, то божественным Казановой, то нищим парией — в то время как в жизни личиной Чака был образ добропорядочного буржуа с улицы Лачплеша) получило в них органическое развитие. Ведь в эпосе из литературно-условных персонажей присутствует один только автор, а вот герои там — все исключительно подлинны: автор лишь в изумлении пялится на них, как на богов или полубогов.

В 1935 году Чак идет работать техническим редактором периодического издания “Латышский стрелок” в Общество старых латышских стрелков. Встречи с очевидцами, устно и письменно изложенные в биографии, широкий доступ к архивам. И вот в марте 1937 года из печати выходит I часть “Помазанных вечностью”, всего 8 песен о событиях с октября 1915 до июля 1916: “Перелом”, “Голос крови”, “Бой при Плаканах, бой при Вейсах”, “Поздний гость”, “Битва при Слоке”, “Молитва латышского стрелка перед битвой”, “Мартовская битва”, “Проповедь в церкви в Пиньках”.

В прессе сообщалось, что запланированы еще три части эпоса, однако изданная в декабре 1939 года II часть стала последней. В нее вошли еще 14 песен, охватившие события с марта 1916 по октябрь 1919: “Фридрих Бриедис в мартовской битве”, “Большая могила”, “Битва при Катринмуйже”, “Последнее навечерие”, “Ловец душ”, “Черт Острова смерти”, “Ночной удар”, “В резерве”, “Пес в каске”, “Палец”, “Жареный петух”, “Психическая атака”, “Возвращение стрелков”, “Заклучение”. Глава же о церковной проповеди в Пиньках, где 17 июля 1916 года полковник Вацietис обратился к стрелкам с церковной кафедры — на фоне образа Христа, — призвав их верить в себя и в свое предназначение, явилась вершиной и осью эпоса, соединяющей первую и вторую части.

В связи с присуждением Чаку в 1940 году премий Анны Бригадере и Культурного фонда обе части были в срочном порядке переработаны и переизданы — в связанном с семейством Бригадеров рижском издательстве Valters un Rapa, с 8 иллюстрациями известных художников Карлиса Балгайлisa, Язепы Гросвалда и Никлава Струнке. К 22 песням добавились “Голос стрелка из могилы” и “Алый свет”.

“Осененные вечностью” стали credo латышской идентичности, национальным эпосом латышей.

Сергей Морейно